

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

С.В. ИВАНОВ,
Н.А. НИКОЛИНА
Москва

Дефектные и избыточные парадигмы в нормативном аспекте

В статье рассматриваются вопросы описания дефектных и избыточных парадигм слов различных частей речи в нормативном аспекте. Анализируется функционирование ненормативных форм слов в художественных текстах.

Ключевые слова: *парадигма; типовая парадигма; неполная (дефектная) парадигма; избыточная парадигма; нормы современного русского литературного языка; языковая игра; художественный текст.*

Понятие «парадигма» является одним из основных в морфологии. Оно было введено еще в античных грамматиках для определения образца словоизменения и систематизации форм варьирования слова. Под парадигмой понимается набор всех форм одного слова, каждая из которых выражает конкретное морфологическое значение. Так, например, у имени существительного *стол* в составе парадигмы 12 форм — шесть падежных форм в ед. числе (*стол, стола, столу...*) и шесть падежных форм во мн. числе (*столы, столов, столам...*). У имени прилагательного *деревянный* 24 формы — по шесть падежных форм мужского (*деревянный, деревянного, деревянному...*), женского (*деревянная, деревянной, деревянную...*) и среднего рода (*деревянное, деревянного, деревянному...*) ед. числа и шесть падежных форм мн. числа (*деревянные, деревянных, деревянным...*).

Если у слова имеется весь набор форм, присущих ему как части речи, то его парадигма считается полной. Полнота парадигмы конкретного слова связана с представлением о типовом наборе форм у слова как

части речи. Для имени существительного, как показано выше, типовой является парадигма из 12 форм, для имени прилагательного — из 24. Именно этот набор форм выражает категориальное значение части речи: например, имя существительное *стол* обозначает предмет, так как в ед. числе относится к мужскому роду; изменяется по числам (*стол — столы*) и в обоих числах по падежам. Слова, обладающие полным набором форм, т.е. характеризующие типовую парадигму, представляют ядро части речи: *дом, стол, девочка, мальчик, окно, поле* и т.п. Каждое из приведенных имен существительных соотносится с типовой парадигмой, т.е. обладает всем набором форм, в которых выражается общекатегориальное значение предметности — значение имени существительного как части речи.

Однако состав любой части речи неоднороден, и кроме ядра, в котором представлены слова с полным (типовым) набором форм, присущих данной части речи, имеются слова с неполным набором форм или, что в русском языке встречается значительно реже, с избыточным набором форм. Если у слова отсутствует хотя бы одна форма из полной типовой парадигмы, его парадигма считается неполной, или дефектной. Например, не изменяются по числам имена существительные *молоко, ботва, архитектура*; не имеют сравнительной степени качественные имена прилагательные *ветхий, гордый, каурый*; отсутствует форма 1-го лица у глаголов *победить, убедить*

Иванов Станислав Викторович, кандидат филол. наук, доцент ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет».

E-mail: stanislavi@inbox.ru

Николина Наталья Анатольевна, кандидат филол. наук, профессор ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет».

E-mail: admin@riash.ru

и т.п. Но если одно и то же грамматическое значение выражается у слова двумя формами, то парадигма слова является избыточной. Например, у имени существительного *сестра* в Тв. падеже ед. числа две варианты формы — *сестрой* и *сестрою*; у имени прилагательного *плохой* формы простой сравнительной степени *хуже* и разговорная *плоше*; у глагола *мяукать* личные формы не только *мяучишь*, *мяучит*, *мячим*, но и *мяукаешь*, *мяукает*, *мяукаем* и т.п.

Дефектность парадигм обусловлена внутрисистемными, семантическими и фонетическими причинами. Внутрисистемные причины дефектности парадигм представлены, например, у имен существительных, не изменяющихся по числам, так называемых *singularia tantum* (имеют формы только ед. числа): *чай*, *сахар*, *вода*, *хвоя*, *пыль*, *зверьё*, *белизна*, *пение* и т.п.¹ и *pluralia tantum* (имеют формы только мн. числа): *духи*, *дрожжи*, *припасы*, *заготовки*, *выборы*, *каникулы*, *хлопоты*, *бусы*, *брюки*, *очки* и т.п. Не образуют форм сравнительной степени и кратких форм имени прилагательные относительные (*железный*, *каменный*, *стиральный*) и притяжательные (*волчий*, *братов*, *папин*). У глаголов совершенного вида (*зайти*, *открыть*, *побежать*) отсутствуют формы настоящего времени. Глаголы повелительного (*иди*, *пиши*, *сядь*) и сослагательного наклонений (*открыл бы*, *писал бы*, *ходил бы*) не имеют форм времени, а у безличных глаголов (*знобит*, *морозит*, *тошнит*) отсутствуют формы лица. Таким образом, у всех перечисленных групп слов различных частей речи неполнота парадигмы обусловлена закономерностями самой языковой системы.

Семантические причины дефектности парадигм обусловлены наличием в лексическом значении слова таких компонентов, которые препятствуют выражению некоторых морфологических значений. Так, например, к семантическим причинам дефектности парадигмы следует отнести невозможность образования форм 1-го и 2-го лица у глаголов типа *ржаветь*, *колоситься*, так как лексическое значение указанных глаголов не соотносится с представлением об участниках коммуникативного акта — говорящем (формы 1-го лица

**ржавею*, **ржавеем*, **колошусь*, **колосимся*) или слушающем (формы 2-го лица **ржавеешь*, **ржавеете*, **колосишься*, **колоситесь*). По этой же причине отсутствуют у подобных глаголов и формы повелительного наклонения. Глаголы *сгрудиться*, *толпиться* не имеют форм ед. числа, так как эти и подобные им глаголы обозначают действие, совершаемое несколькими производителями и предполагают множество лиц. Прилагательное *лысый* не имеет кратких форм женского рода, так как их образование противоречит семантике этой лексической единицы, обозначающей признак, присущий только лицам мужского пола.

Фонетические причины неполноты парадигмы того или иного слова, в отличие от внутрисистемных и семантических, менее последовательны и не всегда могут быть объяснены. Отсутствие той или иной формы по фонетическим причинам обычно обусловлено неблагозвучием, однако однозначных критериев неблагозвучия не существует. Так, например, считается, что именно по причине неблагозвучия отсутствует форма Р. падежа мн. числа существительного *мечта* — **мечт*, хотя в этой же форме употребляются имена существительные *мачта* (*мачт*), *почта* (*почт*), которые имеют то же сочетание звуков финали основы в Р. падеже мн. числа, что и в **мечт*. Отсутствие формы 1-го лица будущего времени глаголов *победить*, *убедить* так же обычно объясняется неблагозвучием форм **победю* или **побежду*, **убедю* или **убежду*, несмотря на наличие подобных форм у глаголов *гладить* — *глажу*, *процедить* — *процежу*. Однако в некоторых случаях отсутствие той или иной формы в парадигме слова по фонетическим причинам все же предполагает некоторую закономерность или же вызвано взаимодействием различных причин. Так, например, отсутствуют краткие формы у качественных имен прилагательных типа *горелый*, *зрелый*, *прелый*, так как формы прилагательных **горел*, **зрел*, **прел* являются омонимичными формам прошедшего времени глаголов *горел*, *зрел*, *прел*.

Следует также обратить внимание на явление, которое условно можно назвать «ложными» дефектными парадигмами. Связано это явление исключительно с экстралингвистическими факторами, а именно с тем, что носители языка не знают о существовании тех или иных форм конкретного слова, воспринимая их как неблагозвучные, и квалифицируют эти формы

¹ Формы мн. числа *чай*, *сахарá*, *вóды*, *пескú* и т.п. представляют собой одно из значений многозначного слова и не являются формами мн. числа существительных *чай*, *сахар*, *вода*, *песок* и т.п.

как «неправильные», искусственно устанавливая, таким образом, дефектность парадигмы слова. К примерам «ложной» дефектной парадигмы, согласно результатам анкетирования², можно отнести формы слов *дно* (мн. число, Им. падеж *дóнья*)³, *кочерга́* (мн. число, Р. падеж *кочерёг*), *грёнки́* (ед. число, Им. падеж *грёнок*, м., и допустимо разговорное *грёнка*, ж.), *та́пки* (ед. число, ж., Им. падеж *та́пка*), *чёботы* (ед. число, Им. падеж *чёбот*), *тахта́* (мн. число, Р. падеж *тахт*), *шйло́* (мн. число, Р. падеж *шйльев*), *дйкий* (ср. степень *дичее* и *дйче*), *пылесосить* (1-е лицо ед. число *пылесóшу*) и т.п.

Избыточность парадигм, как правило, обусловлена появлением вариативных форм и, как следствие, стилистической маркированностью одного из вариантов. Например, избыточными в современном русском языке являются падежные парадигмы имен существительных, имеющие в Тв. падаже две формы, одна из которых характеризуется как допустимая, например: *стена* (*стеной* и допустимо *стеною*), *дверь* (*дверями* и допустимо *дверьми*). Появление вариативных форм у глагола и возникновение избыточной парадигмы конкретного слова обусловлено действием закона аналогии. Например, под влиянием I продуктивного глагольного класса возникли вариативные личные формы в парадигме таких глаголов, как *капать*, *мяукать*, *махать* и т.п.: *каплет* и *капает*, *мяучит* и *мяукает*, *машет* и *махает*. Под влиянием IV глагольного класса появились избыточные формы прошедшего времени у глаголов на *-нуть*, например: *гаснуть* (*гас* и *гаснул*), *мерзнуть* (*мерз* и *мерзнул*), *подвергнуть* (*подверг* и *подвергнул*) и т.п.

Говорящий или пишущий, сталкиваясь с явлениями дефектности или избыточности парадигмы конкретного слова, вынужден решать вопрос, существует ли данная форма слова в литературном языке или она является ненормативной? Какой из вариантов форм в избыточной парадигме наиболее предпочтителен в определенной

ситуации общения? Иными словами, явления дефектной и избыточной парадигм имеют непосредственное отношение к нормам русского литературного языка.

Как отмечает Л.П. Крысин, «из возможностей, содержащихся в системе языка, литературная норма отбирает такие, которые в наибольшей степени удовлетворяют потребностям речевой коммуникации. Норма в первую очередь — это выбор (из множества системных возможностей — таких, которые оптимальны для тех или иных условий общения) и лишь во вторую очередь — запрет, ограничение использования тех или иных языковых средств (как “разрешенных” системой, так и находящихся за ее пределами)» [Крысин 2010: 11–12]. Именно на этом основании формы типа *блю́дцы*, *вы́шиблю*, *ёхайте*, *ёдьте*, *защекóтит*, *избёг*, *сла́зий(те)* признаются ненормативными (в современных словарях грамматических трудностей такие формы сопровождается помета «неправильно»), а формы: *килогра́ммов* и допустимо разговорное *килогра́мм*, *помидóров* и допустимо разговорное *помидóр*, *слёсари* и допустимо разговорное *слесаря́*, *замучу* и допустимо разговорное *замучаю*, *щиплю* и допустимо разговорное *щипаю* — считаются вариативными, с рекомендацией употреблять одну из форм избыточной парадигмы при спонтанном, неподготовленном, неформальном общении (помета в словарях *допуст. разг.*).

При описании дефектных и избыточных парадигм морфологических форм слов различных частей речи в нормативном аспекте необходимо учитывать, что языковая норма с течением времени изменяется: выходят из употребления некоторые формы слов, например признаются устаревшими формы *бу́феры*, *вёксели*, *жёмчуги*, *кла́виш* м., *про́сек*, м., и т.п., но постепенно приобретают нормативный или допустимый в разговорной речи статус формы типа *махай́те*, *ме́ряю*, *партиза́нов*, *поблёкнувший* и т.п. Достаточно красноречивым является пример динамики нормативного статуса формы *махай́те*. Эта форма в пьесе А.П. Чехова «Свадьба» (первая публикация в 1890 г., публикация с изменениями в 1902 г.) воспринималась читателями и зрителями не только как неправильная, но и как особый художественный прием речевой характеристики персонажа с недостаточно высоким уровнем речевой культуры:

² На материале работы спецсеминара кафедры русского языка МПГУ «Динамика морфологических норм в современном русском языке» (2010–2105 гг.). В скобках указаны слова, которые носители языка опознавали как неправильные или несуществующие.

³ Здесь и далее цит. по: Гольберг И.М., Иванов С.В. Словарь грамматических трудностей. 5–11 кл. — М., 2015.

Змеюкина. Нет, я не в голосе сегодня.
Нате, махайте на меня веером.

С течением времени, под влиянием процессов, которые были отмечены выше, форма *махайте* стала уже фиксироваться в словарях как допустимая в разговорной речи, а носители языка перестали воспринимать ее как неправильную.

Однако совершенно иной статус принимают ненормативные формы дефектных парадигм и дублетные формы избыточных парадигм, когда они используются с художественными целями в поэтических и прозаических текстах. В художественной речи «грамматическая форма означает сразу и то, что она означает обычно, и то, что за этим обычным значением скрывается как художественное содержание данной формы» [Винокур 1990: 134].

В художественной речи возможно, причем, как правило, мотивировано, намеренное отступление от действующих в литературном языке норм. Не случайно одним из признаков художественного текста Л.В. Щерба считал именно «прелесть обоснованных отступлений» (от легкой вольности до аномалий, противоречащих закономерностям языковой системы). Такие отступления делают морфологическую парадигму в художественной речи *потенциально открытой*.

Парадигма может, во-первых, расширяться за счет архаических грамматических форм, которые употребляются параллельно с современными и выполняют функцию стилизации, участвуют в иронической языковой игре либо служат знаком высокого, противопоставленного обыденному. Ср.:

Я был, я есмь, я буду снова!
(М. Волошин);

Я был, я есмь, я буду.
(А. Тарковский);

Яко пророк провидех и писах,
Явились знамения в небесах,
Пока мы баиньки в вонючем полумраке.
(Л. Лосев);

И время спит с улыбкой на устах
И говорит: я быхъ, я рѣхъ, я стахъ...
(С. Кекова).

Во-вторых, в художественной речи используются пополняющие парадигму нестандартные грамматические формы, которые по тем или иным причинам невозможны в литературном языке. Например, в стихотворении Л. Губанова безличный

глагол *смеркаться* употреблен в форме 2-го лица ед. числа, которая по семантическим причинам отсутствует в языке:

И невдомек тебе, печаль моя,
Что ты смеркаешься, смыкаешься,
Когда я бьюсь о лед молчания...

В результате употребления этой формы расширяется значение глагола, который в тексте метафорически обозначает состояние лирического адресата и создает сложный художественный образ.

В стихотворении А. Цветкова используется ненормативная форма глагола совершенного вида *смерклась*, которая приобретает контекстуальные значения 'погрузилась в темноту', 'утратила осязаемые контуры'. Использование этой грамматической формы развивает мотив постепенного исчезновения адресата, утраты любви:

Когда ты смерклась в окне троллейбуса
Я понял что это мне насмерть и бесполезно.

Употребление нестандартных грамматических форм в художественной речи связано как с языковой игрой, так и со стремлением обновить состав образных средств, при этом некоторые ненормативные формы используются в текстах регулярно. Так, в современной поэтической речи заметна тенденция к образованию и употреблению кратких форм относительных прилагательных, см., например:

Еда на цвет творожна и мясна,
На ошупь вроде доли несвоей...
(М. Степанова);
...И кипарисы кипарисны...
(Она же).

Образование подобных кратких форм приводит к семантическому сдвигу: прилагательные приобретают способность выражать качественную оценку.

Ряд ненормативных морфологических форм, встречающихся в художественной речи, заполняет «пустые клетки» в грамматической системе русского языка. Таковы, например, причастия будущего времени:

...И безвольно запутаться, как в осоке,
в ресницах,
Прошумящих о нежности в вечеряющий час.
(В. Шершеневич);

Вот я — пойдущий и найдущий.
Вот я — дорогу перейдущий.
Не то в грядущее бредущий,
Не то в бредущее грядущий.
(А. Левин).

«На рубеже XX и XXI веков примеры действительных причастий будущего времени перестают носить спорадический характер, они часто встречаются в языке mass-media и в огромном количестве присутствуют в Интернете» [Современный русский язык 2008: 211].

Нестандартные морфологические формы в художественной речи могут выступить и в характерологической функции. Например, в стихотворении Н. Искренко концентрация ненормативных глагольных форм создает речевой портрет современного носителя городского просторечия:

Пекёт текёт и нагиается
Кой-как зажгёт и снова мается
Позвонит включит поканочит
Заплотит и уж чуть не плачет...

Нестандартные морфологические формы, связанные с отступлением от действующих норм, усиливают экспрессивность художественного текста, создают в нем различные эстетические эффекты и обновляют состав образных средств. Употребление таких форм активизирует восприятие читателя. В художественной речи, таким образом, избыточность парадигмы носит особый, мотивированный характер, а неполнота ее может преодолеваться.

Итак, использование ненормативных морфологических форм вызывается различными причинами. Нестандартность образования формы конкретного слова или группы слов, какие бы причины ни вызвали дефектность или избыточность парадигмы, требует кодификации (нормативного описания) той или иной формы с пометами в словарной статье, разъясняющими носителю языка статус данной формы в современном русском литературном языке — «нормативно», «допустимо», «неправильно». Применительно же к художественной речи необходимо описание окказионального формообразования, используемого автором для достижения художественных целей.

ЛИТЕРАТУРА

Винокур Г.О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. — М., 1990.

Гольберг И. М., Иванов С.В. Словарь грамматических трудностей. 5–11 кл. — М., 2015.

Крысин Л.П. Проблема соотношения языковой системы, нормы и узуса // Современный русский язык: Система — норма — узус. — М., 2010.

Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. — М., 2008.

Телеигра «Знаем русский» продолжает радовать любителей русского языка новыми интересными фактами о нем

Каждую неделю зрители телеканала «МИР» узнают новые и интересные факты о «великом и могучем». По воскресеньям в телеигре «Знаем русский» состояются в знаниях и смекалке представители разных национальностей, любящие русский язык. Задача участников – правильно ответить на вопросы ведущего, чтобы заработать очки для выхода в финал.

Предлагаем вашему вниманию подборку вопросов от программы «Знаем русский»:

*Какая буква пишется после приставки в слове «пред*гровой»? («bl».)*

В какой ситуации говорят «Была не была»: когда рискуют или когда ничего не делают? (Когда хотят рискнуть.)

Назовите фамилию русского лексикографа, предки которого были датчанами, гардемарина и врача, создавшего один из самых известных словарей русского языка. (Даль.)

В Грузии есть поговорка: «Когда люди разлучаются, и сердце меняется». Какая похожая по смыслу поговорка есть в русском языке? (С глаз долой, из сердца вон.)

Как правильно – облегчить или облэгчить? (Облегчить.)

Когда вы идете на улицу, вы надеваете или одеваете ботинки? (Надеваю ботинки.)

Каким словом греческого происхождения мы называем разговор между двумя людьми? (Диалог.)

В Азербайджане есть пословица: «Верблюда под ковром не спрячешь». Какая пословица с тем же смыслом есть в России? (Шила в мешке не утаишь.)

Узнавайте еще больше интересных фактов о русском языке в эфире телеканала «МИР», в программе «Знаем русский» по воскресеньям, в 7:20.